

Трое маленьких принцев оцепенело смотрели вслед уходящему третьему принцу, у всех на лицах застыло выражение глубокого облегчения — будто чудом избежали гибели. Шестой принц перестал плакать, но всё ещё выглядел ошеломлённым. Седьмой принц, которого держал за руку Лу Цзыяо, тёрся пухлой щёчкой о его рукав — то ли утирал слёзы, то ли просто ища защиты.

Хоть третий принц и ушёл, его верный прислужник, четвертый принц, всё ещё оставался на месте. С лица четвертого принца исчезла давешняя вызывающая ухмылка. Он нахмурился, разглядывая трёх младших братьев. Помолчав, он вздохнул, подошёл и погладил Седьмого по мягким волосам, а затем с досадой повернулся к пятому и тихо пожурил:

— И зачем тебя понесло вести их на площадку для цуцзюй прямо перед учебными палатами? Разве нельзя было обойти и пойти поиграть к пруду Хуацин? Обязательно нужно было дожидаться, пока третий брат вас не проучит, чтобы ты хоть чему-то научился?

Пятый принц смущённо кивнул:

— Я понял, брат. Больше мы не будем тренироваться здесь.

Четвертый принц озабоченно кивнул и поторопил:

— Поскорее веди шестого и Седьмого перекусить и уложи спать. Они наверняка перепугались, надо им успокоиться.

Лу Цзыяо растерялся.

Этот четвертый принц словно и не был тем самым типичным прислужником-злодеем из оригинала... Неужели его покорность — лишь игра для третьего принца?

В оригинальном романе роль четвертого принца была такой же незначительной, как и у него самого — пушечного мяса. Лишь вскользь упоминалось, что мать четвертого принца была обычной дворцовой служанкой. Император поддался сиюминутному порыву и провёл с ней ночь, та сразу же понесла и родила четвертого принца. Ей пожаловали титул гуйжэнь, но её положение при дворе всё равно оставалось ничтожным. Именно поэтому четвертому принцу требовался покровитель.

По сюжету книги четвертого принца в конце концов поместили под домашний арест, лишили дворцового содержания, и он доживал свои дни в голоде и холоде, прозябая на скудные гроши, которые его родная мать тайком передавала через евнухов. Его финал был весьма печален.

Но сейчас четвертый принц вовсе не вёл себя как подлый прислужник. Напротив, он довольно мягко утешил младших братьев, после чего попрощался, поспешил вслед за третьим принцем и отправился вместе с ним во дворец Линью.

*

Дворец Линью.

В покоях дворца тун-фэй возлежала на кушетке. Выслушав донесение служанки за кисейным пологом, она небрежно спросила:

— И этот щёнок из семьи Сюэ больше ничего не сказал? Ты точно всё слышала лично?

Служанка с поклоном ответила:

— Госпожа, можете быть спокойны. Си-фэй безгранично доверяет вашей рабе и держит подле себя. Лу Цзыяо приходил во дворец Цинцун трижды, и всякий раз ваша раба находилась рядом.

Тун-фэй умолкла. Сделав глоток из чашки, она попыталась разгнать туман сомнений. На кого на самом деле работает этот паршивец Лу Цзыяо? Что у него на уме?

Тун-фэй терпеть не могла людей, которых не могла контролировать. Поразмыслив немного, она приказала:

— Пойди и намекни си-фэй, будто видела, как Лу Цзыяо входил во дворец ЧуСю. Пусть си-фэй решит, что Лу Цзыяо — лазутчик Императрицы.

Если ситуация не ясна — нужно замутить воду, чтобы никто никому не доверял. Это был любимый приём тун-фэй.

Служанка не стала спрашивать причин и лишь почтительно склонила голову:

— Слушаюсь.

— Ступай скорее обратно во дворец Цинцун.

После ухода служанки дворцовая прислуга доложила о прибытии третьего принца, и тун-фэй поднялась встретить сына.

Войдя в боковой зал, она увидела, как её сын мило беседует с четвёртым, рождённым от простой служанкой. В душе тун-фэй вспыхнуло отвращение, однако на лице сохранилась ласковая улыбка. поприветствовав обоих мальчиков, она приказала принести нефритовые пирожные «восемь сокровищ», пожалованные Императором.

— Матушка звала меня? — развязно поинтересовался третий принц.

— Ты снова задираешь младших братьев? — при четвертом принце тун-фэй не стала хмуриться, а лишь с улыбкой укорила сына.

— И кто это опять наплёл вам глупостей? — насупился третий принц. — Я как раз собирался научить их приёмам цуцзюй, показывал братолюбие! А вы прислали людей и утащили меня сюда. И ещё наговариваете!

Тун-фэй прищурилась, и в её взгляде мелькнул ледок:

— А разве я наговариваю?

Третий принц вздрогнул, опустил голову и замолчал.

В зале воцарилась тишина.

Служанка бесшумно внесла лакомство и поставила его на столик между третьим и четвертым принцами. Коробка для пирожных была невероятно изысканной: большинство товаров, привозимых в качестве дани из страны Божуй, украшались самоцветами, и эта шкатулка не стала исключением.

Тун-фэй не хотела умалять достоинство сына перед посторонним, поэтому после нагоняя решила дать «пряник»:

— Попробуйте эти пирожные. Их всего две коробки: одну Его Величество отправил вдовствующей императрице, а эту пожаловал мне. Мне стало жалко съедать её самой, вот и позвала вас с четвертым братом полакомиться.

Хотя тун-фэй пользовалась огромным влиянием, она не вела себя вызывающе и никогда не обижала тех в дворце, кто имел хоть какой-то вес. Её сын по непонятной причине постоянно цеплялся к Седьмому. По идее, у неё с матушкой-наложницей Седьмого должны были быть дурные отношения, но всё было совсем не так. До случая с ароматическим мешочком си-фэй считала тун-фэй чуть ли не сестрой и лишь после предупреждения Лу Цзыяо стала проявлять осторожность — настолько искусной в общении была тун-фэй.

Даже четвертому принцу, рождённому от низкородной наложницы, тун-фэй никогда не демонстрировала пренебрежения. В отличие от Императрицы, которая строго-настрого запретила своему сыну общаться с четвертым принцем — иначе тот уже давно переметнулся бы к первому принцу.

Едва служанка собралась открыть шкатулку, как третий принц накрыл её ладонью и хлопнул крышкой:

— У меня нет аппетита! Оставьте себе, матушка-наложница, и лакомьтесь на здоровье!

Тун-фэй ничего не могла поделать с этим неблагодарным сыном; будь у неё возможность родить ещё одного мальчика, она ни за что не стала бы надеяться на этого дурака как на опору в будущем. Хотя в душе она и кипела от злости, на лице тун-фэй сохранилось мягкое выражение:

— Твой царственный отец в последнее время всё жалуется, что я располнела, так что мне к сладкому и прикоснуться нельзя. Если ты не съешь, такая хорошая вещь пропадёт впустую.

Третий принц мрачно хмурился, в душе досадуя на то, что матушка-наложница заступает за Седьмого. Причина его ненависти к Седьмому была до крайности проста: слава Седьмого как вундеркинда задевала его за живое.

В учёбе третий принц не блистал. Император и матушка-наложница часто бранили его за лень, но сам он не волновался, полагая, что времени нагнать упущенное ещё предостаточно. Однако этот маленький иноземный ублюдок оказался настоящим чудом — обладал и впрямь феноменальной памятью.

Два месяца назад, когда Император проверял познания принцев, третий принц запинаясь и не мог прочесть наизусть требуемое. А юный седьмой принц, крутя в руках какую-то игрушку, как ни в чём не бывало зачитал наизусть всё то, что не смог вспомнить третий принц!

Третьему принцу от стыда хотелось сквозь землю провалиться, он был готов разорвать этого пухлого мальчишку на части! И после такого позора матушка-наложница мало того что не помогла ему выместить злость, так ещё и связывала по рукам и ногам! Это ужасно злило его!

Поэтому третий принц нарочно пошёл вперекор тун-фэй, толкнув драгоценную шкатулку в сторону четвертого брата, и злобно бросил:

— Забирай и лакомься! Я всё равно это есть не буду!

От автора:

Третий принц: «Этот пухлый Седьмой только и умеет, что красоваться! Отец меня заставлял учить, а он чего лезет?!»

Малыш Седьмой: «Я всего лишь трёхлетний повторюшка, тебе обязательно строить из этого такие теории?»

Четвертый принц не знал, говорит ли третий принц сгоряча или действительно уступает ему редкое лакомство, и поспешно запротестовал:

— Сладости из Божуй славятся на всю Поднебесную. Если третий брат не попробует их, будет очень жаль.

Третий принц мрачно ухмыльнулся и, намекая на Седьмого, глумливо изрёк:

— Да что путного могут сделать эти варвары из диких земель? Лишь красивый фасад, а внутри пустышка! Четвертый брат, я видеть не могу эту дрянь, нравится — забирай и ешь, только чтоб мои глаза её не видели!

В глазах четвертого принца мелькнул неописуемый восторг. Сглотнув слюну, он бросил взгляд на драгоценную шкатулку, но тут же взял себя в руки и продолжил вежливо отказываться.

Терпение тун-фэй к этому моменту истощилось. Посмотрев на сына, она с тонкой полуулыбкой произнесла:

— Красивый фасад всё же лучше, чем сплошная бездарность и снаружи, и внутри.

Третий принц обомлел и со смесью обиды и гнева уставился на матушку-наложницу.

На губах тун-фэй снова заиграла ласковая улыбка, и она мягко обратилась к четвертому принцу:

— Четвертый, если не брезгуешь, забирай и попробуй на здоровье.

Четвертый принц был прямо-таки растроган подобной милостью. Раз уж тун-фэй сказала своё слово, притворяться больше не имело смысла. Поняв намёк, что ему пора удалиться, четвертый принц поднялся, поблагодарил её, забрал шкатулку и раскланялся.

Когда в комнате остались только тун-фэй и её сын, третий принц почувствовал себя не в своей тарелке. Он прекрасно знал, что матушка-наложница при чужих не станет лишать его лица. Теперь же, когда посторонний ушёл, он больше не смел капризничать и молча опустил голову.

— Что же ты замолчал? — с натянутой улыбкой тун-фэй присела в кресло, где только что сидел четвертый принц, и взглянула на сына. — Выплёскивай свою зависть и досаду, Ваше Высочество. Раз уж при этом ничтожном хитреце, четвертом, ты смеешь молоть чушь, то зачем сдерживаться передо мной?

Третий принц не произнёс ни слова, всё так же сидел с опущенной головой, а на его лице проступил страх.